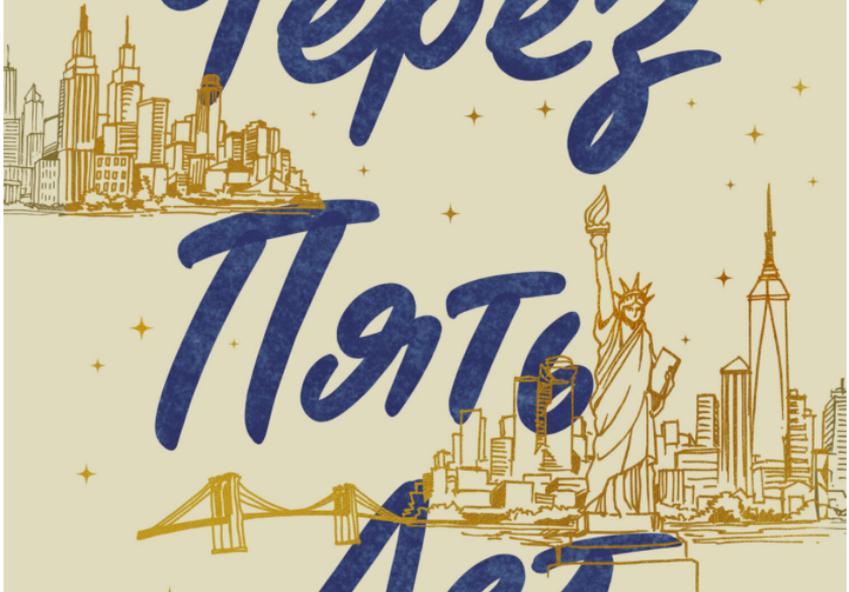

ЛЮБВИ НЕТ ДЕЛА ДО БУДУЩЕГО

GOODREADS
CHOICE
AWARD

Через Пять Лет

РЕБЕККА СЁРА

роман

МИОО

Ребекка Сёрл
Через пять лет
Серия «МИФ Проза»
Серия «Романы МИФ. Один
момент – целая жизнь»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66718394

Через пять лет / Ребекка Сёрл: Манн, Иванов и Фербер; Москва; 2022

ISBN 9785001950004

Аннотация

После долгих лет напряженной работы у Данни наконец-то все по плану: она получила работу мечты, а ее молодой человек только что сделал предложение. В эту ночь ей снится яркий сон, действие которого происходит через пять лет. В нем она замужем совсем за другим мужчиной.

История закручивается, когда Данни встречается любимого человека своей лучшей подруги и обнаруживает, что он и есть тот таинственный человек из сна. Следующие пять лет Данни проводит в гонке против времени, пытаясь уйти от сценария сна, который вопреки ее желанию становится судьбой.

Звучит как декорация для романтической комедии? Но нет, на чаше весов – жизни двух лучших друзей. Они настолько близки,

что понимают друг друга с полуслова, могут предсказать, что думает другой, почувствовать боль друг друга, разделить радость.

Вдумчивый, острый, иногда душераздирающий взгляд на наши внутренние ценности и жизненные цели на этой планете.

Бестселлер New York Times, роман удостоился массы хвалебных отзывов и был переведен на многие языки (русский язык стал 22-м языком, на который проданы права на перевод).

Перевод с английского Маргариты Лобии.

Для кого эта книга

Для читателей качественной сентиментальной прозы и любовных романов Колин Гувер, Эмили Генри, Софи Кинселлы.

От автора

Благодарственные строки своей последней книги The Dinner List («Список приглашенных») я закончила следующими словами: «Если Провидение сыграло с вами злую шутку, если любовь предала вас – не отчаивайтесь. Это не конец вашей истории». Теперь я хочу приписать к ним следующее: «Особенно, когда наступила полночь. Смело идите вперед навстречу тому, что стремится навстречу вам».

На русском языке публикуется впервые.

Содержание

Глава первая	8
Глава вторая	26
Глава третья	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ребекка Сёрл

Через пять лет

Rebecca Serle
IN FIVE YEARS

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

В тексте неоднократно упоминаются названия социальных сетей, принадлежащих Meta Platforms Inc., признанной экстремистской организацией на территории РФ.

© 2020 by Rebecca Serle

© Издание на русском языке, перевод, оформление.
ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2022

* * *

*Лейле Сейлс, вот уже десять лет озаряющей
мою жизнь: пять лет до и пять лет после.*

Мы грезили об этом, ибо это уже случилось

*«Что-что, а будущее, мальши, стороной тебя не
обойдет, – сказал он. – Положись на него смело.
Будущее всегда найдет тебя. Стой спокойно, и оно
непрерывно тебя отыщет. Так земля неизменно
стремится к морю».*

Марианна Уиггинс. Свидетельства невидимого

Мне будет не доставать:

Прогулок по мосту, ведущему в Манхэттен.

Пирогов.

Нора Эфрон

Глава первая

Двадцать пять. Каждое утро, прежде чем открыть глаза, я считаю до двадцати пяти. Отличный способ, чтобы расслабиться, вспомнить, какой сегодня день и год, сосредоточиться, настроиться на серьезный лад и, если уж начистоту, дожидаться, когда лежащий рядом со мной Дэвид, мой парень, выберется из постели, включит кофеварку и спальню наполнит аромат жареных кофейных зерен.

Тридцать шесть. Тридцать шесть минут требуется, чтобы почистить зубы, принять душ, протереть лицо тоником, нанести на него дневной крем, накраситься и одеться. Если я мою голову, тридцать шесть минут превращаются в сорок три.

Восемнадцать. Восемнадцать минут занимает путь от нашей квартирki в Марри-Хилл до Восточной Сорок седьмой улицы, где располагается юридическое бюро «Суттер, Бойт и Барн».

Двадцать четыре. По-моему, через двадцать четыре месяца свиданий и ухаживаний самое время съехаться вместе.

Двадцать восемь. Подходящий возраст для помолвки.

Тридцать. Подходящий возраст для замужества.

Меня зовут Данни Кохан, и я верю в магию чисел.

– Удачного собеседования! – приветствует меня Дэвид.

Я замираю на пороге кухни. Собеседование. Сегодня.

Пятнадцатого декабря... На мне банный халат, мокрые волосы тюрбаном замотаны в полотенце. Дэвид до сих пор в пижаме, тронутая сединой каштановая шевелюра топорщится в беспорядке. Дэвиду нет и тридцати, а он уже седой как лунь. Но мне это нравится. Седина придает ему своеобразное благородство, особенно когда Дэвид надевает очки. А очки он надевает довольно часто.

– Спасибо.

Я обнимаю его, целую в шею, затем в губы. Бояться мне нечего – я только что почистила зубы, а дыхание Дэвида и без того свежее. Поначалу, когда мы только-только начали встречаться, я думала, Дэвид поднимается раньше меня, чтобы побыстрее выдавить на щетку зубную пасту, и лишь позже, когда мы стали жить вместе, мне открылось, что никакой нужды в этом у Дэвида нет. Таким уж он уродился: его дыхание всегда чистое, как весеннее утро. Чего нельзя сказать обо мне.

– Кофе готов.

Он не успел вставить контактные линзы и близоруко щурится, пытаясь разглядеть чашки. Лицо его страдальчески морщится, и у меня сжимается сердце.

Наконец он находит мою чашку и наполняет ее дымящейся жидкостью. Я открываю холодильник. Дэвид протягивает мне чашку, и я от души разбавляю кофе сливками. Сухими сливками с привкусом фундука. Для Дэвида портить кофе подобным «осветлителем» – настоящее святотатство, но он

все равно покупает сливки, лишь бы меня порадовать. Такой вот он человек. Рассудительный и щедрый.

Обхватив ладонями чашку, я присаживаюсь в нише у окна и смотрю на Третью авеню. Марри-Хилл не самый респектабельный район Нью-Йорка, а заполонившие его еврейские общины и выпускницы колледжей в толстовках «Пенн», толпами понаехавшие из приграничных Нью-Джерси и Коннектикута, и вовсе отпугивают от него добропорядочных граждан. Но где еще в этом городе мы смогли бы арендовать двухкомнатную квартиру с оборудованной кухней-столовой в доме с привратником? А ведь, говоря между нами, мы с Дэвидом зарабатываем до неприличия больше денег, чем наши двадцативосьмилетние сверстники.

Дэвид – инвестиционный банкир в компании «Тишман Шпейер», вкладывающейся в недвижимость. Я корпоративный юрист. И сегодня у меня собеседование в ведущей юридической фирме Нью-Йорка. В «Уочтелле». В святая святых. В земле обетованной. В легендарной цитадели из серого бетона и черного гранита на Западной Пяťдесят второй улице. В оваянной славой штаб-квартире, где трудятся выдающиеся юристы страны. Где представляются интересы всех самых знаменитых компаний, от названий которых кружится голова: «Боинг», «Эй-Ти-энд-Ти», «ИНГ Груп». Эпохальные слияния корпораций, сделки, влияющие на мировые рынки, – все происходит внутри этих стен.

Я мечтала работать в «Уочтелле» чуть ли не с пеленок. И

когда отец отвозил меня в город полакомиться мороженым в «Серендипити» и сводить на дневной спектакль, мы обязательно глазели на высоченные здания на Таймс-сквер, а иногда, повинувшись моему неодолимому порыву, прогуливались до Западной Пятьдесят второй улицы, и я, запрокинув голову, смотрела и не могла насмотреться на дом под номером пятьдесят один, где располагались головные офисы Си-би-эс и «Уочтелла», обосновавшегося там с 1965 года.

– Ты сразишь их наповал, котенок.

Дэвид потягивается, поднимая над головой руки, и его футболка задирается, обнажая живот. Дэвид длинный и тощий, и стоит ему потянуться, как все его куцые футболки ползут вверх. Впрочем, я ничего не имею против.

– Готова?

– Разумеется.

Когда мне позвонили и пригласили на собеседование, я подумала, что это розыгрыш. Рекрутер из «Уочтелла»? Ага, как же! Наверняка очередной прикол Беллы. Белла – моя лучшая подруга, и ее хлебом не корми – дай над кем-нибудь посмеяться. Взбалмошная блондинка, она блондинка и есть. Один ветер в голове. Однако я ошиблась. И фирма «Уочтелл, Липтон, Розен и Кац» действительно позвала меня на собеседование. Сегодня, пятнадцатого декабря. Я взяла маркер и жирно обвела этот день в ежедневнике, чтобы ничто не стерло его из моей памяти.

– Не забудь, – напоминает Дэвид, – у нас сегодня празд-

ничный ужин.

– Не уверена, что получу работу прямо сегодня, – отвечаю я. – Обычно работодателю требуется время все обдумать.

– Неужто? – игриво ухмыляется Дэвид. – А вот я уже все обдумал.

Дэвид – тот еще Казанова. Обольстит любую. А ведь так и не скажешь, что в этом чопорном и благообразном педанте скрыта целая бездна обаяния и остроумия. Я обожаю его чувство юмора. Оно-то меня к нему поначалу и привлекло.

Я удивленно приподнимаю бровь, и Дэвид тушует.

– Считай, работа у тебя в кармане, – убеждает он. – Все будет так, как мы задумали.

– Спасибо, что веришь в меня.

Пора уводить разговор в сторону, а то Дэвид того и гляди проболтается. Он просто не умеет хранить секреты и врать. А я и без него знаю, что произойдет сегодня вечером. Сегодня, спустя два месяца после того, как мне исполнилось двадцать восемь лет, Дэвид Эндрю Розен сделает мне предложение.

– Отруби с изюмом и половинка банана? – Дэвид протягивает мне глубокую тарелку.

– Не-а. Сегодня великий день, значит, мне полагается бейгл с треской. Сам знаешь. Только так.

Еще до звонка из «Уочтелла» я, бывало, заглядывала в рестораник «У Сарджа», что на Третьей авеню. Салат с треской в бублике-бейгле у них вкуснее, чем в центре, в закусоч-

ной «У Каца», а очереди меньше: даже когда в рестораник набивается народ, ждать приходится не более четырех с половиной минут. Работают они просто молниеносно.

– Жвачку взяла? – спрашивает Дэвид, присаживаясь рядом.

Я киваю, закрываю глаза и отпиваю кофе. Рот наполняется сладостью, по телу разливается блаженное тепло.

– Что-то ты не торопишься, – замечаю я.

И вдруг меня осеняет: да ведь он давным-давно должен был уйти! Он работает так же, как и фондовые биржи. Неужели, изумляюсь я, он отпросился на целый день? Может, он до сих пор не купил мне кольцо?

– Подумал, надо бы тебя проводить. – Дэвид бросает мимолетный взгляд на часы. «Эплл», мой подарок на вторую годовщину нашего знакомства, которую мы отметили четыре месяца назад. – Однако я действительно засиделся. Решил забежать на тренировку перед работой.

Тренировка, скажет тоже. Дэвид совершенно не спортивный тип. У него абонемент в фитнес-клуб «Эквинокс», но я подозреваю, что за два с половиной года он появлялся там от силы два раза. Он от природы худой как жердь и порой бегаёт по выходным. И значит, этот его абонемент – выброшенные на ветер деньги. А из-за бессмысленных трат мы обычно ругаемся до хрипоты, поэтому сегодня я прикусываю язык. Не хочу портить этот день. Особенно его начало.

– Конечно, конечно, – соглашаюсь я. – А мне пора соби-

раться.

– Но время есть...

Дэвид обнимает меня, скользит рукой за ворот халата. Я вздыхаю и начинаю отсчет: раз, два, три, четыре...

– Боюсь, так ты неминуемо опоздаешь, – осаживаю его я. – Да и мне надо сосредоточиться.

Он покорно кивает и целует меня.

– Что ж, наверстаем ночью.

– Ловлю на слове.

Я игриво щиплю его за руку.

На прикроватной тумбочке в спальне, на подставке, оживает мобильник, и я спешу на его зов. На экране появляется белокурая голубоглазая богиня-шикса с высунутым языком. Белла. Вот так сюрприз. Если моя лучшая подруга ни свет ни заря на ногах, значит, она еще не ложилась. Обычно она просыпается только к обеду.

– Утро доброе! – усмехаюсь я. – Ты где? Не в Нью-Йорке?

Она зевает. Мое воображение услужливо рисует берег океана, террасу и растянувшуюся в шезлонге Беллу в шелковом, водопадом струящемся кимоно.

– Не, в Париже.

Ну теперь понятно, почему она в состоянии общаться в такую рань.

– А мне казалось, ты улетаешь сегодня вечером...

Я проверяю ее рейс на телефоне: «Американские авиалинии», рейс 57. Вылет из аэропорта Ньюарка в 18:40.

– Решила вылететь пораньше. Папуле приспичило во что бы то ни стало поужинать со мной сегодня. И перемыть мамуле косточки. – Белла замолкает, чихает и продолжает щебетать: – А у вас какие планы?

Неужели она все знает? Наверняка Дэвид ей проболтался. Они с ней два сапога пара: как и Дэвид, Белла язык за зубами держать не умеет. А уж тем более – хранить от меня тайны.

– Сегодня меня ждут великие дела, а вечером – званый ужин.

– Ага, верно. Ужин, – хихикает Белла.

Да, она все знает.

Я переключаю телефон на громкую связь и встряхиваю волосами. На то, чтобы их высушить, потребуется семь минут. Я смотрю на часы. 8:57. Времени – уйма. Собеседование назначено на одиннадцать.

– У меня руки так и чесались позвонить тебе три часа назад.

– Ох, ну это уж чересчур.

– Да ладно, ты все равно бы ответила. Ты же чокнутая.

Ну да, я не отключаю телефон даже ночью.

С Беллой мы дружны с самого детства. Я благовоспитанная еврейская девочка из Мейн-Лайна, аристократического пригорода Филадельфии. И Белла – франко-итальянская принцесса, чьи родители с такой помпой отметили ее тринадцатилетие, что посрамили все проходившие по соседству бар-мицвы. Белла капризная и избалованная. Живая

как ртуть. Волшебно прекрасная. Не то что я. Она околдовывает всех, кто оказывается рядом. В нее нельзя не влюбиться: с такой легкостью она дарует свою любовь. И в то же время Белла хрупка и ранима. И под ее нежной кожей бьется столь пылкое сердце, что за него становится страшно – не дай бог оно разобьется.

Банковский счет ее родителей неисчерпаем и всегда под рукой, чего, к сожалению, не скажешь о самих родителях. У них никогда нет времени на дочь. Они никогда не уделяют ей должного внимания. Можно сказать, Белла выросла в моем доме. И мы стали с ней не разлей вода.

– Белль, мне пора уходить. У меня собеседование.

– Точно! В какой-то там почте...

– В «Учителле».

– Что наденешь?

– Наверное, черный костюм. Как обычно.

Я мысленно перебираю свой гардероб. Хотя кого я обманываю – я выбрала этот костюм сразу после звонка рекрутера.

– Потрясно, – пренебрежительно фыркает Белла, и я представляю, как она брезгливо морщится, словно в ее крошечный нос-кнопку ударила вонь протухшей рыбы.

– Когда вернешься? – спрашиваю я.

– Думаю, во вторник. Не знаю пока. Если встречу с Реналдо, махну с ним на Ривьеру на несколько дней. Ты не поверишь, но зимой там так здорово. Вокруг ни души. Все по-

бережье в твоём распоряжении.

Реналдо. Это ещё кто? Похоже, он был у неё до пианиста Франческо, но после режиссера Маркуса. Белла постоянно влюблена, постоянно. Но все её романы, такие глубокие и волнующие, длятся не более пары месяцев. Не помню, были у неё хоть когда-нибудь настоящий «друг сердца». Если только в колледже... Да, кстати, а что стряслось с Жаком?

– Повеселись там хорошенько, – напутствую её я. – Напиши, когда прилетишь, и сбрось фотки, особенно этого твоего Реналдо. Ты же знаешь, я на твоих парней досёе собираю.

– Как скажешь, мамочка, – паясничает Белла.

– Люблю тебя.

– А я тебя больше.

Высушив волосы феном, я распускаю их, беру утюжок-выпрямитель и провожу им от корней до кончиков, чтобы не выглядет курчавым барашком. Вдеваю в уши бриллиантовые сережки-гвоздики и защелкиваю на запястье любимые часы «Мовадо». Сережки мне подарили родители в честь окончания колледжа, а часы – Дэвид на прошлогоднюю Хануку. Черный костюм, вычищенный и выглаженный, висит на дверце встроенного шкафа. Под него, чтобы потрафить Белле, я надеваю красно-белую блузку с оборками. Вдыхаю, так сказать, искру жизни.

Возвращаюсь на кухню и кружусь перед Дэвидом. Дэвид как сидел в пижаме, так и сидит. Неужели он и впрямь взял выходной на целый день?

– Ну как тебе?

– Ты принята! – восторженно восклицает он, притягивает меня к себе и нежно целует в щеку.

– На это я и рассчитываю, – улыбаюсь я.

* * *

Как и ожидалось, в 10:00 «У Сарджа» почти никого нет: постоянные клиенты обычно завтракают здесь с утра пораньше, так что уже через две минуты и сорок секунд я получаю бейгл с треской. Иногда я остаюсь и ем в самом ресторанчике, у стойки у окна, где нет стульев, зато достаточно места, чтобы куда-то приткнуть мою сумку, но сегодня я решаю перекусить на ходу.

Нью-Йорк по-рождественски праздничен. Весело горят уличные фонари, витрины затянуты морозным узором. Все-го-то минус один. Жара! Снега нет, и я вольготно цокаю каблуками по чистым мостовым. Хорошее начало – половина дела.

К штаб-квартире «Уочтелла» я подхожу в 10:45. Чувствую от страха ком в горле и от греха подальше выбрасываю недоеденный бейгл. Вот оно. То, ради чего я трудилась последние шесть лет. Да какие там шесть! Последние восемнадцать лет своей жизни! Школьные экзамены, тесты по истории, подготовка к вступительным испытаниям на юридический факультет, бессонные ночи, выволочки от начальства

за что-то не сделанное мною, разносы от руководства за что-то сделанное мною, каждый мой вздох, каждый мой шаг – все вело меня сюда, к моей мечте, моей цели.

Кинув в рот подушечку жевательной резинки, я набираю полную грудь воздуха и толкаю дверь.

Дом номер пятьдесят один на Западной Пятьдесят второй улице кажется гигантским лабиринтом, но я точно знаю, в какую дверь мне войти и у какого поста охраны взять пропуск («вход с Пятьдесят второй, пост охраны – прямо напротив двери»). Я столько раз прокручивала этот путь в голове, что могу пройти его с закрытыми глазами. Дверь, турникет, поворот налево – и вот я иду, плавно покачивая бедрами, словно вальсируя: *раз-два-три, раз-два-три...*

Тридцать третий этаж. Дверцы лифта разъезжаются, и у меня перехватывает дыхание. Бьющая через край энергия захлестывает меня, в висках бешено начинает стучать кровь. Я замороженно гляжу на нескончаемый поток людей, входящих и выходящих в стеклянные двери конференц-холлов. Такое впечатление, что я попала на съемки телесериала «Форс-мажоры» и массовка, нанятая на один день только ради меня, суетится, лишь бы доставить мне удовольствие. Работа так и кипит. Похоже, когда бы я сюда ни заглянула – в любой час любого дня или ночи, – увидела бы то же самое. И в полночь в субботу, и в восемь утра в воскресенье. Вот он, мир, над которым невластно время. Мир, живущий по собственным законам и правилам.

Как же я хочу попасть сюда. В мир моей мечты, моих грез. Где все бросается на чашу весов. Где все кидается на кон. Где приходится идти напролом, не останавливаясь на достигнутом.

Ко мне, застывшей как столб, подлетает девушка в облегающем платье от «Банана Репаблик». Секретарь, сразу видно. Всем юристам «Уочтелла» предписано носить костюмы, а на ней даже пиджака нет.

– Мисс Кохан? – улыбается она. – Сюда, пожалуйста.

– Благодарю.

Мы идем по коридору мимо кубиков-офисов, и я не могу оторвать от них глаз. Стекло, дерево, хром. И непрекращающийся звон денег – *дзинь, дзинь, дзинь*. Девушка приглашает меня в комнату для переговоров. Внутри длинный стол из красного дерева с графином воды и тремя стаканами. Ничто не ускользает от моего внимания, и я отмечаю, что, вероятно, на собеседование придут два партнера фирмы. Отлично. Превосходно. Я изучила их компанию вдоль и поперек. Да я план помещений могу им нарисовать! Я все знаю наперечет.

Время тянется бесконечно: две минуты, пять, десять. Секретарь ушла. Я раздумываю, не выпить ли мне воды, когда дверь отворяется и в комнату входит сам Майлс Олдридж. Выпускник Гарварда, первый на своем курсе. Редактор «Йельского юридического журнала». Старший партнер «Уочтелла». Живая легенда. Я задыхаюсь от восторга.

– Мисс Кохан, – кивает он, – я с нетерпением ждал нашей

встречи, спасибо, что смогли уделить мне время.

– Это честь для меня, мистер Олдридж, – отвечаю я. – Рада с вами познакомиться.

Майлс Олдридж вскидывает бровь. Он приятно удивлен, что я его узнала. Пять баллов, Данни.

– Садитесь, пожалуйста.

Жестом Олдридж указывает мне на стул и, пока я сажусь, разливает воду по двум стаканам. Третий остается нетронутым.

– Начнем, пожалуй. Расскажите немного о себе.

Что ж, это несложно. Ответ на этот вопрос я тщательно продумывала и отшлифовывала на протяжении последних нескольких дней. Итак, я родилась в Филадельфии. Мой отец владел светотехнической компанией, и я лет с десяти начала приходить к нему в офис и помогать разбираться с договорами. Любопытства ради я как-то заглянула в один из них, прочитала и потеряла голову, без памяти влюбившись в сухой язык цифр и деловую лексику, где каждое слово было тщательно подобрано и соответствовало своему истинному значению. Язык юриспруденции показался мне языком настоящей поэзии – поэзии ясной, сильной, могущественной, не допускающей двоякого толкования. Меня озарило: я поняла, кем хочу стать. Я поступила в Юридическую школу Колумбийского университета и окончила ее второй на своем курсе. Устроилась секретарем в Федеральный суд Южного округа Нью-Йорка, и там желание, подспудно зревшее во мне все

эти годы, завладело мной целиком и полностью, и я решила стать корпоративным юристом. Окончательно и бесповоротно. Мир высоких ставок, азарта, игры по-крупному, безжалостного соперничества завораживал и манил меня. А еще – что уж кривить душой – меня завораживала и манила возможность заработать уйму денег.

– Уверены?

Да. Я просто рождена для этого мира. Я училась ради него. Ради него я пришла сегодня в «Уочтелл», потому что именно здесь мое место. И вот я в штаб-квартире работы своей мечты. В преддверии рая.

Мы проходимся по моему резюме пункт за пунктом. Олдридж на удивление дотошен, что, впрочем, играет мне только на руку, позволяя показать себя во всей красе. Он спрашивает, почему именно я самый подходящий для них кандидат и какая корпоративная культура кажется мне наиболее уместной. Я признаюсь, что, выйдя из лифта, почувствовала себя как дома в этой лихорадочной суете и бесконечной гонке. «Я не преувеличиваю», – заверяю я. Олдридж смеется.

– Этот мир жесток, – предупреждает он, – а гонка бесконечна. В ней можно и ноги переломать.

Я сцепляю руки в замок и упираюсь ладонями в стол.

– Поверьте, я ничего не боюсь.

Напоследок он задает мне традиционный вопрос. Вопрос, на который у любого кандидата всегда наготове ответ, потому что без него не обходится ни одно собеседование.

– Где вы себя видите через пять лет?

Я глубоко вздыхаю. Слова отскакивают у меня от зубов. И не только потому, что я выучила их наизусть, хотя, разумеется, выучила. А потому, что я говорю искренне. Я верю, что так оно все и будет. Я знаю.

Я начну работать старшим юристом в «Уочтелле». Буду в основном заниматься слияниями и поглощениями. Докажу свою высокую компетентность и невероятную трудоспособность – ничто не укроется от моего бдительного ока. Мне предложат стать младшим партнером.

– А помимо работы?

Выйду замуж за Дэвида, мы переедем в Грамерси и поселимся в квартире, выходящей окнами в парк. У нас будет шикарная кухня и достаточно места для стола на два компьютера. Лето мы станем проводить на морском курорте в Хэмптонсе, а на выходные, при желании, выбираться в горы, в Беркшир-Хилс. Если, конечно, позволит моя работа.

Олдридж явно доволен. Я превзошла все его ожидания. Мы пожимаем на прощание руки, и секретарь ведет меня по коридору мимо кубиков-офисов обратно к лифту. И вот я снова на земле, среди простых смертных. Третий стакан оказался уловкой. Хотели сбить меня с толку. Не вышло.

С собеседованием покончено, и, стало быть, самое время отправиться в Сохо и заглянуть в «Реформацию», мой любимый магазин одежды. Я взяла на работе отгул, так что целый день свободна как птица. А ведь еще только полдень. Полно

времени, чтобы подготовиться к вечернему торжеству.

Когда Дэвид обмолвился, что заказал столик в «Радужной комнате», я мгновенно сообразила, чем закончится этот ужин. Помолвку мы обсуждали не раз. Я догадывалась, что он сделает мне предложение в этом году, и все лето ждала его. Но Дэвид выбрал зиму, хотя зимой у него самая горячая пора на работе, да и безумие рождественских каникул подливает масла в огонь. Правда, для меня ничто не сравнится с утопающим в огнях Нью-Йорком, и Дэвид об этом знает. Поэтому помолвка состоится сегодня.

– Добро пожаловать в «Реформацию», – приветствует меня девочка-продавец в черных расклешенных джинсах и белом тесноватом свитерке с завернутым воротом. – Могу я вам чем-нибудь помочь?

– У меня сегодня помолвка, – огорошиваю ее я. – Мне надо что-нибудь соответствующее.

Девчушка пару секунд сконфуженно моргает, и вдруг лицо ее озаряется светом.

– Ах, какая прелесть! – восклицает она. – Взгляните на это. Как вам?

В примерочную я отправляюсь с ворохом одежды: юбками, платьями с открытой спиной, креповыми красными брюками и свободного покроя полупрозрачной кофточкой им под стать. Огненный наряд я примеряю первым. Бесподобно. Дерзко, но не вызывающе. Игриво, но не развязно.

Я всматриваюсь в свое отражение, протягиваю к нему ру-

ки и шепчу:

– *Сегодня... Вечером...*

Глава вторая

«Радужная комната», элитный ресторан с верандами, расположенный на шестьдесят пятом этаже небоскреба Рокфеллер-плаза, 30, – один из самых высоких ресторанов города с потрясающим видом на Манхэттен. Из его величественных окон видны шпили Крайслер-билдинга и Эмпайр-стейт-билдинга, вздымающиеся над океаном небоскребов. Дэвид знает, что я обожаю панорамные виды. На второе или третье наше свидание он пригласил меня на крышу Метрополитен-музея на выставку Ричарда Серры. Под лучами солнца громадные бронзовые инсталляции полыхали, словно в огне пожарища. С тех пор прошло два с половиной года, а у меня от воспоминаний до сих пор мурашки по коже.

Как правило, в «Радужной комнате» проводят только частные вечеринки и для простого люда она закрыта, однако для особых гостей ее двери порой отворяются и посреди недели. «Радужной комнатой», как и помещениями на нижних этажах, владеет и управляет компания «Тишман Шпейер», где работает Дэвид, поэтому возможность зарезервировать столик в первую очередь предоставляется именно ее сотрудникам. Правда, обычно все столики бронируются на годы вперед, но в исключительных случаях...

Дэвид коротает время в ресторанном коктейль-баре «Шестьдесят пять». Веранды уже застеклены, и ничто,

несмотря на холод за окнами, не мешает наслаждаться Манхэттеном с высоты птичьего полета.

Мы договорились встретиться прямо в ресторане: раз уж Дэвиду приспичило играть роль «честно отработавшего целый день парня», пусть играет. Когда я вернулась домой, чтобы переодеться, его не было: то ли умчался в последнюю минуту по срочному делу, то ли решил прогуляться и собраться с духом.

На Дэвиде темно-синий костюм, белая рубашка и розово-голубой галстук. В «Радужную комнату», разумеется, необходимо являться при полном параде.

– Ты обворожителен, – восхищаюсь я.

Снимаю и отдаю ему пальто и предстаю перед ним в огненно-красном наряде, которому позавидовала бы пожарная команда. Красный смотрится на мне крайне интригующе. Дэвид присвистывает.

– Ты бесподобна. Выпьешь что-нибудь?

Он отдает мое пальто пробегающему мимо портюе, хватается за галстук и нервно теребит его. Это так трогательно, что на мои глаза наворачиваются слезы. На лбу Дэвида блестят капельки пота. Наверняка он всю дорогу сюда шел пешком.

– Конечно.

Мы подходим к бармену. Заказываем два бокала шампанского. Чокаемся. Дэвид устремляет на меня широко распахнутые глаза.

– За будущее, – провозглашаю я.

Дэвид одним махом осушает половину бокала и вдруг спохватывается.

– Боже мой! Неужели я забыл тебя спросить! – Он хлопает по губам тыльной стороной ладони. – Как прошло собеседование?

– Я сделала их! – Торжествующе улыбаясь, я ставлю бокал на барную стойку. – Размазала их по стенке. Все прошло как по маслу. Меня собеседовал сам Олдридж.

– Ничего себе. И сколько времени они взяли «на подумать»?

– Он сказал, что позвонит мне во вторник. Если все сложится удачно, я начну работать у них после рождественских каникул.

Дэвид делает глоток шампанского и крепко обнимает меня за талию.

– Как я горжусь тобой. Еще немного, и сбудутся все наши мечты.

Пятилетний план, который я изложила Олдриджу, вовсе не плод моего воображения. Это *наш с Дэвидом* совместный проект. Мы придумали его через полгода после знакомства, когда стало ясно, что отношения между нами перерастают в нечто более серьезное. Мы решили, что Дэвид оставит инвестиционно-банковскую деятельность и перейдет работать в хедж-фонд, где больше денег и меньше корпоративной бюрократии. То, что мы переедем жить в Грамерси, даже не об-

суждалось: мы оба только о нем и грезили. Остальные детали нашей будущей жизни мы обговаривали спокойно, без суеты и всегда находили общий язык.

– Само собой.

– Мистер Розен, ваш столик готов.

Выросший за нашими спинами официант в молочно-белом фраке ведет нас по коридору в бальную залу.

«Радужную комнату» я видела только в кино, но в реальной жизни она во сто раз прекраснее. Идеальное место, чтобы предложить руку и сердце: изящные овальные столики, круглый танцпол с ослепительно сверкающей люстрой. Ходят слухи, что танцпол кружится под ногами вальсирующих пар. Живописные цветочные композиции навевают мысли о свадьбе и придают зале изысканность и пикантность. Во всем царит атмосфера пышного, хотя и немного старомодного праздника. Женщины в мехах. Перчатки. Бриллианты. Запах тонко выделанной кожи.

– Какая красота, – выдыхаю я.

Дэвид привлекает меня к себе, целует в щеку и шепчет:

– Под стать нашему празднику.

Официант услужливо отодвигает стул. Я сажусь. Взмах руки – и мне на колени опускается белоснежно-белая салфетка.

Нежные, мелодичные звуки постепенно наполняют залу: музыканты в углу играют песню Фрэнка Синатры.

– Это уж слишком, – смеюсь я.

На самом деле я хочу сказать, что все просто волшеббно. Как в сказке. Так, как и должно быть. И Дэвиду это прекрасно известно. Дэвид – это Дэвид.

Не скажу, что я человек романтичный. Но романтика не чужда и мне. Я хочу, чтобы мне звонили, приглашая на свидание, а не скидывали эсэмэску; я хочу, чтобы мне дарили цветы после проведенной вместе ночи и просили моей руки под Фрэнка Синатру. И да, именно в декабре, в Нью-Йорке.

Мы снова заказываем шампанское, на этот раз бутылку. На миг ужасаюсь от мысли, во сколько этот вечер нам обойдется.

– Не переживай, – успокаивает меня Дэвид.

Он видит меня насквозь. И за это я его обожаю. Он всегда знает, о чем я думаю. Мы всегда с ним на одной волне.

Нам приносят шампанское. Прохладное, сладкое, пузырящееся. Мы залпом приканчиваем наши бокалы.

– Потанцуем? – предлагает Дэвид.

На танцполе две пары покачиваются в такт «От начала и до конца».

«И в горе, и в радости, и в суете повседневности...»

Меня бросает в жар – а что, если Дэвид подойдет к микрофону и во всеуслышание объявит о нашей помолвке? Вообще-то Дэвид не любит пускать пыль в глаза, но он уверен в себе, да и выступать на публике ему не привыкать. У меня начинают трястись поджилки: не дай бог сейчас принесут суфле в шоколаде с запрятанным внутри кольцом и Дэвид у

всех на виду преклонит передо мной колено.

– Ты приглашаешь меня потанцевать? – изумляюсь я.

Дэвид ненавидит танцы. На свадебных торжествах приходится тащить его на танцпол буквально силком. Он считает, у него нет чувства ритма. Разумеется, нет: у парней его почти никогда не бывает, но да что с того? Отплясывать под Майкла Джексона дозволено в любых позах, кроме одной – сидячей.

– Ну да. Мы же в бальной зале.

Он протягивает мне руку и ведет по ступенькам вниз, в ротонду. Песня меняется, теперь это «Никто, кроме тебя».

Дэвид обнимает меня. Две пожилые пары на танцполе одобрительно улыбаются.

– Знаешь, я люблю тебя, – говорит Дэвид.

– Знаю. Я тоже тебя люблю.

Началось? Вот сейчас он и бухнется на колени?

Но Дэвид лишь медленно кружит меня по вращающейся ротонде. Музыка смолкает. Кто-то хлопает в ладоши. Мы возвращаемся за столик. Я, как ни странно, немного расстроена. Неужели я просчиталась?

Нам приносят заказ. Салат. Омар. Вино. Кольца нет ни в клешне омара, ни в бокале с бордо.

Мы почти не едим, только гоняем еду по тарелкам прелестными серебряными вилочками. Дэвид, обычно душа компании, молчит и хмурит брови. Беспokoйно вертит в пальцах стакан для воды. *«Просто спроси меня, – внушаю я*

ему, – и я отвечаю “да”». Может, выложить ему мой ответ из помидоров черри?

А вот и десерт. Три пирожных: суфле в шоколаде, крем-брюле и «Павлова». Кольца нет ни в заварном креме, ни в шапке взбитых сливок. Я поднимаю глаза на Дэвида, но Дэвид исчез: он стоит на коленях рядом с моим стулом и протягивает мне футляр для кольца.

– Дэвид...

Он яростно мотает головой.

– Помолчи, пожалуйста, хорошо? Дай мне завершить начатое.

Люди перешептываются, замолкают. Кто-то нацеливает на нас камеры смартфонов. Музыка стихает.

– Дэвид, люди смотрят, – шепчу я, но губы мои растягиваются в улыбке. Наконец-то.

– Данни, я люблю тебя. Мы с тобой не сентиментальны, так что долго рассусоливать я не буду, но хочу, чтобы ты знала: наш союз для меня не просто часть задуманного нами плана. Я восхищаюсь тобой, я боготворю тебя, я хочу жить с тобой до скончания века. Мы с тобой не просто родственные души, мы идеально подходим друг другу, и я не представляю свою жизнь без тебя.

– Да, – говорю я.

Он улыбается.

– Может, я все-таки для начала тебя спрошу?

Пара за соседним столиком раздражается хохотом.

– Прости, – краснею я. – Да, пожалуйста, спрашивай.

– Даниэль Эшли Кохан, ты выйдешь за меня замуж?

Он открывает футляр. Внутри лежит платиновое колечко с бриллиантом огранки «Кушон» и россыпью треугольных драгоценных камней по краям. Стильное, модное, изысканное. Как раз мне под стать.

– Вот теперь можешь ответить, – напоминает Дэвид.

– Да, – смеюсь я. – Да. Абсолютно и безусловно да.

Он поднимается, целует меня, и зал разражается бурными аплодисментами. Щелкают фотокамеры, слышатся восторженные *охи и ахи* и благодушные пожелания процветания и счастья.

Дэвид вынимает кольцо из футляра и надевает мне на палец. На мгновение оно застревает на костяшке – от шампанского у меня отекают суставы, – но после свободно скользит вниз и словно прирастает к пальцу. Такое ощущение, что я носила его всегда.

Словно из воздуха появляется официант.

– Комплимент от шеф-повара, – мурлычет он, ставя на стол бутылку. – Наши поздравления!

Дэвид возвращается на место и берет меня за руку. Я заороженно верчу ладонью, любуюсь кольцом, искрящимся в отблеске света.

– Дэвид, – вздыхаю я, – это настоящее чудо.

– Тебе идет, – улыбается он.

– Ты сам его выбрал?

– Белла помогла. Я так боялся, что она проговорится. Ты же знаешь, у нее от тебя нет секретов.

Лукаво посмеиваясь, я крепко жму его руку. Он прав, но мне незачем говорить ему об этом. Тем-то и прекрасны наши отношения с Дэвидом, что мы понимаем друг друга без лишних слов.

– Надо же, а я и не догадывалась, – качаю я головой.

– Прости, что сделал тебе предложение столь прилюдно, – Дэвид проводит рукой вокруг себя, – но я не смог удержаться. На меня будто что-то нашло. Это место просто создано для подобного!

– Дэвид... – Я смотрю на него в упор. На своего будущего мужа. – Я стерплю еще десяток предложений руки и сердца при всем честном народе, лишь бы выйти за тебя замуж.

– Стерпишь, как же, – смеется он. – Но у тебя потрясающий дар убеждения, Данни. Это-то мне в тебе и нравится.

* * *

Через два часа мы уже дома. Голодные, с гудящими от шампанского и вина головами. Скрючиваемся перед компьютером и заказываем тайскую еду с доставкой в онлайн-сервисе «Спайс». Да, мы такие. Спустив семьсот долларов за ужином, бежим домой, чтобы умять за обе щеки тарелку жареного риса за восемь долларов. И да будет так вечно.

Я бы переделалась, как обычно, в спортивные штаны, но шестое чувство подсказывает мне, что сегодня, в эту самую ночь, торопиться не следует. Будь я кем-нибудь другим, например Беллой, я бы подготовилась к этой ночи получше: прикупила комплект нижнего белья в одной цветовой гамме, облачилась в него и этак небрежно облокотилась о косяк двери. И к черту пад-тай. Вот только вряд ли я бы тогда обручилась с Дэвидом.

Выпивохи из нас с Дэвидом никудышные: от смеси вина и шампанского нас совсем разморило. Я забираюсь на диван и кладу ноги на колени Дэвида. Он сжимает мои лодыжки и начинает массировать мне стопы, ноющие от долгого хождения на каблуках. Живот сводит от голода, голова шумит, а глаза закрываются сами собой. Я зеваю и через минуту проваливаюсь в сон.

Глава третья

Я лениво просыпаюсь. Сколько же я спала? Перекатываюсь на бок и смотрю на часы на тумбочке. 22:59. Сладко потягиваюсь. Это Дэвид перенес меня на кровать? От жестко накрахмаленных простыней веет свежестью, меня так и тянет снова закрыть глаза и погрузиться в сон, но... Но тогда я пропущу нашу обручальную ночь. Гоню прочь остатки дремоты. Надо допить шампанское и заняться любовью. Ведь именно так проводят подобные ночи! Я зеваю, моргаю, сажусь на кровать и... Дыхание мое учащается, сердце бешено колотится в груди. Это не наша постель. Не наша квартира! На мне багряный деловой костюм и бусы. Где я?

Я сплю? Но это совсем не похоже на сон. Я чувствую руки и ноги, я слышу оглушительное биение сердца. Меня похитили?

Я оглядываюсь. Как я оказалась в этом лофте? На кровати, озаренной огнями, льющимися из огромных, от пола до потолка, окон? Прищуриваюсь... Что там? Лонг-Айленд-Сити? До рези в глазах всматриваюсь в окно, лихорадочно выискивая какие-нибудь знакомые силуэты, и наконец замечаю вдали путеводную звезду – Эмпайр-стейт-билдинг. Я в Бруклине, но где именно? Справа от меня Манхэттенский мост, через реку – застроенный небоскребами деловой центр Нью-Йорка. Значит, я в Дамбо, в «историческом», се-

веро-западном районе Бруклина. Похоже на то. Дэвид отвез меня в отель? На противоположной стороне улицы, в доме из красного кирпича с коричневой амбарной дверью, гремит музыка. Я вижу вспышки камер и гирлянды цветов. Возможно, там празднуют свадьбу.

Лофт небольшой, но просторный. Перед журнальным столиком из стекла и стали – два обитых голубым бархатом кресла. У изножья кровати – оранжевый комод. На полу – цветастые персидские коврики, придающие апартаментам уют и некоторую фривольность. Трубы и деревянные балки выставлены наружу. На стене – постер в виде таблицы для проверки остроты зрения. На постере фраза, слова которой уменьшаются от строки к строке: *«Я БЫЛ МОЛОД, МНЕ НУЖНЫ БЫЛИ ДЕНЬГИ»*.

Черт подери, где я?

И тут я слышу его. Невидимку.

– Проснулась?

Я деревенею. Что делать? Спрятаться? Убежать? В конце лофта, там, откуда доносится голос, виднеется массивная стальная дверь. Если набраться мужества и проскочить мимо, я успею открыть ее раньше, чем...

Он появляется из-за угла, за которым, по всей вероятности, скрывается кухня. На нем черные брюки и рубашка в сине-черную полосу с открытым воротом.

Глаза мои лезут на лоб. Из груди рвется крик, но почему-то я не кричу.

С иголки одетый незнакомец подходит ко мне, и я отползаю на край кровати, поближе к окну.

– Эй, с тобой все хорошо?

– Нет! – отвечаю я. – Все плохо!

Он скорбно вздыхает. Похоже, мой ответ несколько его не удивил.

– Ты задремала.

Он задумчиво трет ладонью лоб. Над его левым глазом белеет изогнутый шрам.

– Что ты тут делаешь? – спрашиваю я.

Я с такой силой вжимаюсь в угол между изголовьем кровати и окном, что едва не продавливаю стекло.

– Да ладно тебе, – шутливо скалится он.

– Ты хоть знаешь, кто я?

– Данни... – Он опирается коленом о кровать. – Почему ты об этом спрашиваешь? Что с тобой?

Знает! Он знает, как меня зовут! Душа у меня уходит в пятки: он так произносит мое имя, словно мы с ним закадычные друзья-приятели.

– Мысли путаются, – жалуясь я. – Никак не соображу, где я.

– Бывает. Вечер удался на славу, согласна?

Я недоуменно разглядываю себя и вспоминаю, что это платье я купила три года назад, когда я, моя мама и Белла решили прошвырнуться по магазинам. Белла купила себе такое же, только белое.

– Ага, – неопределенно мямлю я.

О чем это он? Где я? Что происходит?

Краем глаза выхватываю телевизор, висящий на стене напротив кровати. Он работает с приглушенным звуком. Передают новости. Внизу экрана светится маленький прямоугольник, показывающий дату и время: 15 декабря, 2025 год. Ведущий в синем костюме бубнит про погоду, позади него на компьютерной карте вихрятся снежные облака. У меня комок подкатывает к горлу.

– Выключить? – участливо интересуется незнакомец.

Я трясую головой. Он мгновенно понимает меня, подходит к журнальному столику, на ходу выпрастывая рубаху из-под ремня брюк, и берет пульт.

– На Восточное побережье Соединенных Штатов надвигается снежная буря. Ожидается резкое ухудшение погоды и выпадение до пятнадцати сантиметров осадков в виде снега. Снегопад продолжится до вторника.

2025 год. Не может такого быть. Пять лет спустя...

Надо мной явно прикалываются. Белла! Кто же еще! Чего она только не вытворяла в детстве и юности. Однажды, на мой одиннадцатый день рождения, она умудрилась затащить к нам на задний двор пони, причем мои родители об этом так никогда и не узнали. Мы с ней вечно подзуживали друг друга, брали друг дружку на «слабо».

Но даже Белле не под силу подменить дату и время на телевизионном канале. Или под силу? Да и кто тогда этот па-

рень? И бог мой, что случилось с Дэвидом?

– Эй, есть хочешь? – оборачивается ко мне незнакомец.

Мой желудок одобрительно урчит. Я почти не притронулась к праздничному ужину, а пад-тай в этой параллельной Дэвиду вселенной, похоже, так и не доставили.

– Нет, – шепчу я.

– Оно и слышно, – усмехается он, склонив голову набок.

– Я не голодна, – уверяю я. – Просто... Просто мне надо...

– Немного поесть.

Он улыбается. Я кошусь на окно – интересно, насколько широко оно открывается.

Осторожно обхожу кровать.

– Переоденешься?

– Я не...

Я замолкаю на полуслове, не зная, как закончить начатую фразу. Вначале не мешало бы выяснить, где мы находимся. И где моя одежда.

Он ведет меня в гардеробную. Я покорно плетусь следом. Гардеробная рядом со спальней нишей, только протяни руку, а в ней – полчища сумок, туфель и одежды, развешанной по цвету. Все ясно. Это моя гардеробная. А значит, это мой лофт. Я в нем живу.

– Я переехала в Дамбо, – объявляю я на всю комнату.

Незнакомец покатывается со смеху. Выдвигает ящик в центре шкафа и вытаскивает спортивные брюки и футболку. Сердце мое замирает. Это его вещи. Он... Он тоже живет

здесь. Вместе со мной!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.